

4(78)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ
БРАТСТВ

МАРТ
2008

в газете использованы
материалы сайта sfi.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

С праздником, дорогие братья и сёстры!

Пролетела первая неделя Великого поста. Многие из нас старались начать пост достойно. Может быть, получалось не всё, не сразу и не у всех, однако, наверное, все об этом думали, молились и старались. И вот наступило первое воскресенье Великого поста, или, говоря на церковнославянском языке, первая неделя — неделя Торжества Православия.

Каждый год, встречая этот день, мы с вами размышляем о том, что значит для нас это Торжество, насколько оно реально, насколько оно совершается в нас, вокруг нас, в церкви. На протяжении многих лет нам приходилось, размышляя об этом, говорить вещи печальные и трудные, потому что наша современная церковная жизнь уж очень далеко ушла от той нормы христианской жизни, которую мы знаем, которую исповедуем, к которой сами же и стремимся. Мы очень хорошо понимаем, как часто ни о каком торжестве Православия в наше время речи быть не может. Поэтому мы не можем просто-напросто вспоминать древние дни, давние поводы для установления этого праздника — когда победили православные, т.е. почитатели святых икон, победили теоретически (богословски) и практически. Для нас сейчас всё это — вещи важные, но не столь горячие, как для тех времен. Если бы сейчас произошло что-то подобное, вряд ли стали бы устанавливать новый общехристианский праздник. Для нас сейчас важнее научиться прежде всего почитать образ Божий внутри каждого человека, поскольку мы знаем, сколько страданий приходится претерпевать людям, живым иконам Бога, в наши дни. Я имею в виду и внутренние, и внешние страдания. Сколько болезней, сколько голодающих, сколько людей, лишённых простого человеческого внимания, тепла, уж не говоря про уют. Старые и малые, больные, страждущие, находящиеся в темницах, заключении, гонениях — все претерпевают страдания. «Всякая тварь, — говорит апостол Павел, — стена-

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

Из проповеди
свящ. Георгия Кочеткова

ет и мучается донныне, ожидая усыновления и славы сынов Божьих» — а значит, ожидая явления этой славы человека. Но эта слава всё больше и больше затмевается, а не является. Уже кажется, что приходят последние дни, когда невозможно ничего восстановить, всё может быть только хуже, хуже и хуже. И множество людей впадает в уныние, в этот страшный грех — один из тяжелейших грехов — и уже не знает, как из этого вырваться.

Торжество Православия остается вещью пререкаемой, оспариваемой. Кто по совести может сказать, что оно явление, что можно пригласить человека и сказать:

«Вот, здесь торжествует истинное Православие», сказать и исполнить — так, чтобы сердце человека наполнилось радостью и благодарностью и Богу, и людям? Но у нас нет пути унывать. И хотя мы понимаем, что в нашей жизни — и вокруг нас, в церкви, и в обществе, и в мире — торжества мало, радости мало, в них ещё не являет себя Слава Господня так, как должна и могла бы себя являть — но мы знаем и другое: есть некоторые удивительные мгновения в нашей жизни, мгновения, которые мы могли бы назвать счастливыми, даже если глубоко уверены, что жизнь счастливой в наше время не бывает ни у кого. И каждый раз, когда являет себя свет Божий, Божья любовь, свобода и истина, Дух Божий, а значит и истинное Православие, когда прославляется Бог и человек — и с ними Божий мир, мы испытываем это счастье. И каждый раз в этот момент Православие торжествует не просто в мыслях и чаяниях, а в самой жизни, в самой первореальности. Каждый раз, когда являет себя Бог через человека и в человеке, жизнь и мир действительно исполняются этим торжеством. Тогда вновь побеждает Бог, тогда Православие вновь побеждает все искажения, все извращения, к которым пришли современные люди. Тогда всё меняется без потери трезвости, без желания надеть розовые очки. Когда торжествует Божья любовь и свобода, Божья истина, когда торжествует в человеке человеческая личность, богочеловечество, и Церковь открывает нам свои тайны — тогда вновь торжествует Православие.

Но Православие — это не просто верное учение. Абсолютно полного, вполне верного учения в человеческой жизни, в человеческой культуре, даже церковной, не было, нет и быть не может, потому что Истина неисчерпаема и невыразима. И каждый раз, когда мы её продумываем и выражаем, мы улавливаем лишь маленькую толику настоящей истины. Остальное от нас по меньшей мере сокрыто. Мы

Продолжение на с. 2

В номере:

Свято-Филаретовский институт провел XIV ежегодную студенческую конференцию «Сретенские чтения»

на ней были представлены лучшие научные работы студентов различных духовных и светских учебных заведений в области богословия, религиоведения и философии

С. 2

Сестра Иоанна Рейтлингер — «Иконный живописец»

Осмывая итоги духовного пути с. Иоанны, можно повторить фразу, сказанную по ее поводу в самом начале ее иконописного творчества: «С ней можно не соглашаться, но нельзя не считать»

С. 6

Дар детскости

Вера Аверинцева была максимально просвещённая, почти учёная — но одновременно и детская

С. 7

Он всю жизнь лечил людей

В четвертый день поста во время покаянного канона, перед пением «С нами Бог!» пришло известие о смерти Александра Александровича Креля

С. 8

В приложении «Открытая встреча» — ответы на вопросы и фрагменты из многотомника «Ленинградский мученик»

СОВРЕМЕННОМУ ДУХОВНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ НЕ ХВАТАЕТ ГУМАНИТАРНОСТИ, А ГУМАНИТАРНОМУ — ДУХОВНОСТИ

Интервью с ректором Русской Христианской Гуманитарной Академии кандидатом философских наук Д.К. Бурлакой открывает серию публикаций, посвященных проблематике предстоящей конференции СФИ «Образование в XXI веке: стратегии и приоритеты»

Кифа: Дмитрий Кириллович, мы с Вами находимся в помещении РХГА на набережной реки Фонтанки. Здесь неподалеку, за Анчиковым мостом, в здании подворья Троиче-Сергиевой пустыни, где сейчас располагается городская библиотека им. В.В. Маяковского, в апреле 1920 года был открыт Петроградский богословский институт. Как сказано на вашем сайте, РХГА не опирается на устойчивую историческую традицию. Но в то же время можно назвать некоторые исторические аналогии. Вот, например, Петроградский богословский институт. Конечно, историческая ситуация, в которой он существовал, и состав преподавателей и студентов отличается от РХГА. Но есть и сходство: вы так же стремитесь к соборности и формированию верующей церковной интеллигенции, ваша академия, как и институт, возникла в результате сотрудничества светских и церковных ученых. Насколько эта историческая почва пи-

тательна для Вас, Ваших сотрудников и РХГА в целом?

Д.К. Бурлака: Я не знал, что этот Богословский институт находился так близко от нас. Думаю, что такое соотношение возможно. Кроме того, в качестве аналогов можно указать еще Вольную академию духовной культуры, основанную Н.А. Бердяевым примерно в это же время и с теми же целями. В Петрограде в это время существовала Вольфила (Вольная философская академия), хотя она была более массовая и менее церковным заведением. Также надо вспомнить дореволюционные Высшие Вестушевские курсы, где преподавали В.С. Соловьев, И.М. Гревс и др. Мы не столь беспочвенны, и определенную традицию можно проследить,

хотя эту линию развития духовного образования нельзя назвать магистральной для России.

Наша академия (первоначально институт) представляет собой духовно-культурное образовательное начинание, зародившееся снизу. Но снизу не в плохом смысле — от охлоса — а от самого церковного народа. Особенности русской культуры состоит в том, что просвещение шло преимущественно сверху, некоторым директивным образом (от царской или императорской власти). Кроме того, церковь, особенно в петровскую эпоху, была лишена тех миссионерских возможностей, которыми она обладала в это время на Западе. Нельзя игнорировать того общеизвестного факта, что университеты, как и вся система образования в Западной Европе, были созданы церковью. Византийский опыт нам сложно анализировать, эта традиция прервалась. Но если бы и не

Продолжение на сс. 4-5

Торжество Православия

Продолжение. Начало на с. 1

никогда не должны этого забывать — и особенно мы, православные, ибо нам бывает свойственно некоторое неразумие: мол, у нас истина есть, она высказана святыми отцами и в слове Писания и больше ничего быть не может. Думать так очень наивно. Бога надо всегда искать и всегда находить Его в том новом, которое только и может нам явить человеческая любовь и любовь Божья, Божья и человеческая истина и всё та же свобода. «Сетворю все новое» — говорит Господь. Неужели мы не откликнемся на это откровение? Неужели не поддержим этого нового? Ведь это новое — неотъемлемая часть Православия. Если Православие, церковь, человек не обновляются, то в них гаснет свет, уходит благодать и на самом деле в таком православии Православия уже не остаётся. Каждый раз, когда мы отворачиваемся от Бога, каждый раз, когда мы сознательно грешим, мы отвергаем Божью истину и Православие, мы отвергаем Бога и человека. Каждый раз, когда мы даем место дьяволу в нашей жизни, мы лишаем великого торжества Православия.

Завтра мы будем вспоминать утверждение истины иконопочитания, но это ещё не последняя истина, поэтому нам и приходится думать о торжестве Православия по-новому, нам приходится искать, нам приходится бороться со злом и грехом в себе и в жизни, нам приходится обновлять и восстанавливать порушенное православие, православие униженное, то, с которым мы чаще всего, увы, сейчас сталкиваемся, то, в котором люди давно не встречают Христа... Многие уходят в никуда, лишь бы не обманываться, лишь бы не войти в зону действия пустоты.

Сегодня мы приняли для всего нашего Содружества братьев тему этого года: «О духовном противостоянии пустоте в церкви и обществе». Вы знаете, что в конце сентября у нас в братстве будет конференция на эту тему. Но мы решили не ограничиться конференцией, а назначить для себя этот год временем размышления на эту столь непростую тему. Человек сопротивляется пустоте как великой опасности для себя и для всякой жизни. Он от неё бежит, она для него страшнее огня сожигающего. Человек, если он человек мудрый, сторонится даже таких малых проявлений пустоты в своём сердце, в своем уме, в своей жизни, как пустословие. Человеку не хочется, чтобы его сердце оставалось пустым. Где пустота, там абсолютный холод, там жизни нет. Но мы должны помнить, что всё может быть опустошено, и любой святой и драгоценный сосуд может оказаться пустым по грехам нашим. Нам нужно за этими вещами ой как смотреть! Для этого и пост нам нужен — собственно, может быть, только для этого: чтобы меньше было пустоты зияющей и страшной как тьма, как явление антимира, как поглощение в антипространство, в «чёрную дыру».

Человек обладает удивительно тонкой интуицией. Он ощущает приближение тьмы и пустоты. Пустота — это не пустыня, в пустыне есть тьма, но есть и свет, в пустыне есть Бог и человек, а не только смертельные опасности и безводные миражи. Пустыня может оказаться спасительной как раз для того, чтобы от пустоты уйти раз и навсегда, на всю жизнь. Но бороться с пустотой трудно: уж если она захватит чьё-то сердце, чей-то ум, чьё-то тело, она может съезть всё изнутри — это крайне агрессивная и злокачественная среда. Я думаю, вы в жизни видели людей, изъеденных пустотой, у которых глаза выявляют тьму, как и их слова, мысли и дела.

Парадокс этого мира заключается в том, что кроме вещей подлинных в нём есть те же самые вещи-двойники, которые ничем не наполнены — лишние призраки, откровения пустоты. У человека нет никаких внешних гарантий, что он не обманется в выборе — где подлинник, а где подделка, где оригинал, а где двойник. Это самая трудная вещь — не принять двойника за подлинник. Очень многие люди спотыкаются именно на этом и глубоко падают, могут пасть даже в бездну, т.е. в полную пустоту...

Торжество Православия вещь очень непростая. Наверное, не только в прошлом или сейчас, но и в будущем нам придётся думать о том, как и где Церковь торжествует. Православие торжествует, а где нет. Наверное, это удел человека — разбираться в таких вещах. И разбираться в них надо хорошо. Надо сразу видеть и чувствовать приближение пустоты. Это должно быть у нас уже в интуиции, в опыте, внутри, без всяких рациональных критериев, без всяких вопросов. Нам это бывает, действительно, трудно, нам хочется себя и других уговорить в духе «happy end» — мол, «всё хорошо и будет всё хорошо, да и не может не быть всё хорошо». Мы часто себя обманываем такими уговорами. Хуже того, часто обманываем ими других. Мы думаем, что так мы можем кого-то утешить, кому-то помочь. Это ложные надежды. Нет ничего спасительнее милосердной правды и истины. Когда торжествует Православие, человек, действительно, оправдывает своё существование пред Богом и своей совестью, перед ближними, и нам нельзя об этом забывать.

Пусть же, дорогие братья и сёстры, этот Великий пост и вообще весь предстоящий год поможет нам в этом разобраться, начиная с себя, начиная с простого, с того — что в нашей жизни лишнее. А лишнее, суетное всегда является первым кандидатом на пустое, опустошённое. Нам нужно об этом думать, нам нужно себя проверять каждый день именно таким образом, только тогда пост не будет суетой, только тогда наша христианская жизнь будет развиваться, раскрываться, укрепляться и приносить плоды.

Дай же Бог, дорогие братья и сёстры, чтобы наше единство во Христе, которое делает нас с вами невидимым образом «сообщающимися сосудами», помогло никому не опустошиться, даже если человек в чём-то ошибся, сорешил, не разобрался или даже пал. Наша братская жизнь — не гарантия от этого, но если она не просто механически себя воспроизводит, а наполняет нас любовью, трепетом, радостью, то она — мощнейшее орудие помощи человеку в его борьбе со всяким злом, грехом, сатаной, с пустотой и тьмой. И тут мы недалеко от Царства Небесного!

Аминь.

15 марта 2008 г.

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОВЕЛ XIV ЕЖЕГОДНУЮ СТУДЕНЧЕСКУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ «СРЕТЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

23 февраля 2008 г. Свято-Филаретовский православно-христианский институт провел XIV ежегодную студенческую конференцию «Сретенские чтения», на которой были представлены лучшие научные работы студентов различных духовных и светских учебных заведений в области богословия, религиоведения и философии.

В начале пленарного заседания к участникам конференции со словами приветствия от имени ректора СФИ проф.-свящ. Георгия Кочеткова обратился проректор Д.С. Гасак. Он выразил надежду на то, что «Сретенские чтения» продолжат слу-

жить формированию живой и открытой научной студенческой среды, и подчеркнул, что главная цель чтений — способствовать обретению нового качества современного духовного образования, которое, в свою очередь, должно приводить к более высокому качеству христианской молитвы и жизни.

Участникам конференции были предложены три доклада из разных областей богословия: «Проблемы проповеди Креста и Воскресения Христа в современной России» (Наталья Адаменко, бак. богосл., СФИ); «Чин диаконисс и феномен монашества в миру» (Станислав Павлов, студент Института теологии свв. Мефодия и Кирилла, Минск); «Движение обновления церкви в период первой русской революции» (Юлия Балакшина, канд. филол. наук, доцент СПбГУ и магистр богословия СФИ).

Перед чтением своего доклада Станислав Павлов передал приветствие ректора Института теологии свв. Мефодия и Кирилла, митрополита Минского и Слуцкого Филарета, Патриаршего Экзарха всея Белоруссии участникам конференции и от имени ректора пригласил студентов СФИ принять участие в конференциях, проводимых его институтом. Он рассказал об истории возникновения и попытках восстановления чина диаконисс в XIX — XX вв. Докладчик подчеркнул, что «служение женщины в церкви не исчерпывается только деторождением и воспитанием детей, это и миссия, и помощь в катехизации, благотворительность и многое другое... восстановление чина диаконисс позволило бы женщине, желающей целиком посвятить

себя служению Богу и ближнему, стать монахиней в миру, не отвлекаясь на светскую работу». Такая постановка вопроса вызвала оживленную дискуссию о созерцательном и деятельном монашеском служении, о смысловом наполнении термина «монашество в миру», а также о служении мирян в церкви, и, в т.ч., месте женского служения.

Наталья Адаменко в своем докладе остановилась на наиболее частых искажениях в восприятии проповеди о Кресте и Воскресении современными людьми. Она отметила, что «просто возвещать тайну искупления грехов, прощения и спасения Крестом Христовым современному человеку недостаточно: важно явить всю гибельность и мерзость греха, который может казаться приятным и полезным, показать прямую причинную связь греха и смерти и обратную связь — страх смерти как скрытую причину всех грехов и страстей (по определению св. Максима Исповедника)». Н. Адаменко также сделала вывод о том, что в настоящее время среди верующих господствует языческое восприятие смерти: смерти стали поклоняться, христиане примирялись с распадом и разложением, в т.ч. и с разделением церкви, как с неизбежностью и едва ли не нормой. Кро-

ме того, в церковной проповеди почти нет отношения к Воскресению как откровению о смысле жизни и смысле существования церкви.

Юлия Балакшина рассказала об истории движения обновления церкви в России. Оно началось с деятельности известной группы петербургских священников («группа 32-х») в период русской революции 1905 — 1907 гг. По словам докладчицы, участники движения ставили своей целью решение вопроса об исторических задачах и исторической ответственности церкви, освобождении ее от власти государства, возрождению соборности, об активном участии мирян в церковной жизни. Они считали, что идея царства Божьего необходимо приводит «к обязанности действовать — в пределах своего призвания — для реализации христианских начал в собирательной жизни человечества, для преобразования в духе высшей правды всех общественных форм и отношений».

Далее работа конференции проходила по 5 секциям. Их проводили кафедры миссиологии, катехетики и гомилетики; богословских дисциплин и литургики; Священного писания и библейских

дисциплин; истории церкви; философии и религиоведения. Секция философии и религиоведения организовывалась на базе двух факультетов СФИ — богословского и религиоведческого.

Наиболее многочисленной была секция миссиологии, катехетики и гомилетики: в ее работе приняли участие около 40 студентов и преподавателей. Все доклады, прозвучавшие на секции, были посвящены православной миссии. При обсуждении одного из проблемных вопросов — определенные критерии успешности миссии — было, в частности, отмечено, что эти критерии некоторыми церковными деятелями определяются просто — увеличилось ли количество людей в храмах. В ответ на это участники секции напомнили о практике выдающегося алтайского миссионера преп. Макария (Глухарёва), который за несколько лет активного миссионерства крестил и воцерковил всего несколько сот человек. Успешность миссии была в итоге осмыслена как явление полноты и целостности христианского свидетельства, вдохновения на принципиальную перемену жизни. На секции также затрагивались вопросы основных принципов миссии, миссии подросткам и молодежи, негативного образа церкви в сознании россиян, влияющего на миссию, а также проблемы миссии в Рунете. Был отмечен значительный вред, который наносят РПЦ и Православию в целом агрессивные контрмиссионеры.

Доклады, представленные на других секциях конференции, были весьма разнообразными по тематике. Наибольший интерес вызвали история православно-Крестовоздвиженского трудового братства Н.Н. Неплюева (секция истории церкви), вопросы о мистических границах Церкви (секция богословских дисциплин и литургики), о гендерной проблеме и проблеме библейских переводов (секция Священного писания и библейских дисциплин), о соотношении науки и религии, об отношениях государства и церкви, а также анализ некоторых нехристианских мистических практик в исламе и буддизме (секция философии и религиоведения).

На «Сретенских чтениях» в этом году всего прозвучало около 40 докладов. В конференции приняли участие более 130 человек из четырех стран — России (16 городов), Беларуси, Латвии и Молдовы. Кроме студентов и преподавателей СФИ, в работе конференции участвовали представители Белгородской духовной семинарии, Института Теологии им. свв. Мефодия и Кирилла Белгородского Гос. Университета, ББИ ап. Андрея Первозванного, МГИМО, МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ, Русской Христианской Гуманитарной Академии и некоторых других духовных и светских учебных заведений. Некоторые материалы студенческой конференции планируется опубликовать на сайте СФИ и в нашей газете.

В ТВЕРИ ПРОШЕЛ ВЕЧЕР ПАМЯТИ С.С. АВЕРИНЦЕВА

2 марта в Твери в областной научной библиотеке им. А.М. Горького состоялся вечер памяти крупнейшего философа культуры, исследователя древних и европейских литератур, церковной письменности, переводчика и поэта, общественного деятеля, академика Сергея Сергеевича Аверинцева. Вечер был организован по благословению архиепископа Тверского и Кашинского Виктора тверским филиалом РГГУ, Спасским и Боголюбским православными братствами г. Твери.

Встреча, на которой присутствовало более 150 человек — представителей тверской интеллигенции, местного духовенства, простых прихожан — (зал был заполнен до того, что часть народа стояла) прошла в удивительной тишине. Выступавшие не делали академических докладов, а старались полениться самым важным из своих воспоминаний.

Открывая вечер, директор филиала РГГУ в г. Твери, кандидат исторических наук, бакалавр богословия В.И. Лавренов сказал, что почти каждый, кто помнит С.С. Аверинцева или пишет о нём, затрудняется в том, как в одном или нескольких словах определить род его занятий. Можно назвать его великим филологом, переводчиком, поэтом, общественным деятелем, историком мировой культуры. Но главное — что его имя стало символом соединения в одной личности классической образованности и

христианской православной веры и жизни. Именно поэтому в списке подобных ему великих гуманитариев нашей страны — Лосев, Лотман, Мамардашвили, Лихачёв — он стоит особняком. Аверинцев был не просто верующим христианином. Его вера была глубокой, осмысленной и живой, лучи веры освещали его творчество и всю его жизнь.

Профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин Свято-Филаретовского православно-христианского института А.М. Копировский, особенно любимый тверской интеллигенцией, удивил присутствовавших рассказом о церковном служении чтеца С.С. Аверинцева, его проповедей в храмах, где настоятелем был о. Георгий Кочетков. Для московской интеллигенции того периода было важным, что Аверинцев не только призывал в храм, но и сам был в полноте прихожанином и членом Церкви. Оказалось это важным и для тверской интеллигенции. После встречи многие говорили о том, что об академике Аверинцеве знают давно и работы его читали, но этот «вышний» аспект его жизни многих поразил.

Лидия Крошкина (преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала РГГУ в г. Твери, бакалавр богословия) рассказала об отношении С.С. Аверинцева к филологии, подчеркнув, что та была для него одновременно и универсальным

знанием, и усилием мысли, шансом «дышать большим временем, вместо того, чтобы задыхаться в малом».

Учитель русского языка и литературы средней школы №14 г. Твери Л.В. Кашулина читала и комментировала стихи С.С. Аверинцева. Она отметила его новый, особый поэтический язык, отмеченный глубокой связью с библейскими текстами. Прочитывая также последние строки из предисловия самого автора стихов к его книге, где он низко кланяется читателю, она призвала всех присутствовавших так же низко, с благодарностью поклониться ему самому.

В заключение лауреат международных конкурсов авторской песни Татьяна Левина исполнила песню «С нами Бог!» на свои стихи, припевом к которой стал фрагмент одного из стихотворений С.С. Аверинцева:

«Неотразимым острием меча,
Запеченного для последней битвы,
Да будет слово краткое молитвы
И ясным знаком — тихая свеча».

В отзывах гостей прозвучали слова огромной благодарности за подобные встречи, которые «помогают взглянуть на себя, на свою жизнь и на мир по-другому». И было очевидно, что вечер памяти о Сергее Сергеевиче Аверинцеве что-то изменил в каждом, кто присутствовал на нем.

Марина Волкова (Тверь),
информационная служба СФИ

Скончался
первоиерарх Русской
православной церкви
Заграницей
митрополит Лавр

Митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Лавр скончался в день праздника Торжества Православия 16 марта 2008 г.

Будущий митрополит Лавр (в миру Шкурла Василий Михайлович) родился 1 января 1928 г. в г. Ладомирово (Чехословакия, ныне — Словакия) на Пряшевской Руси, по национальности — карпаторос.

В 11-летнем возрасте вступил в братию монастыря преподобного Иова Почаевского в Ладомирово, основанного иноками Почаевской лавры, а в 1944 г. стал послушником монастыря. В 1946 г. эвакуировался вместе с монастырем в Джорданвилль (США), где был основан новый Свято-Троицкий монастырь, ставший впоследствии духовным центром РПЦЗ.

В 1947 г. пострижен в рясофор, а 19 марта 1948 г. — в мантию с наречением имени в честь св. мученика Лавра. Постриг совершил архиепископ Виталий (Максименко), основатель Свято-Троицкого монастыря; 14 января 1950 г. рукоположен в иеродиакона, а 27 июня 1954 г. — в иеромонаха.

С 1954 г. и до последнего времени преподавал в Свято-Троицкой семинарии догматическое богословие и каноническое право. С 1958 г. — инспектор семинарии. 6 сентября 1959 г. был возведен в сан игумена. 17 апреля 1966 г. возведен в сан архимандрита.

13 августа 1967 г. хиротонисан во епископа Манхэттенского, викария Восточно-Американской епархии и назначен секретарем Архиерейского Синода.

С 18 июля 1976 г. — настоятель Свято-Троицкого монастыря и управляющий Троицко-Сиракузской епархией; с 12 октября этого же года — правящий архиерей и ректор Свято-Троицкой семинарии (сменил на этих постах архиепископа Аверкия (Таушев)) и главный редактор журналов «Православная Русь», «Православная жизнь» и «Православный путь».

В 1981 г. возведен в сан архиепископа. 10 июля 2000 г. Архиерейским Синодом назначен заместителем Первоиерарха РПЦЗ.

До этого последовательно занимал посты заместителя секретаря и секретаря Архиерейского Синода, а с 10 июля 2001 г. исполнял обязанности Первоиерарха РПЦЗ в должности его заместителя.

На Соборе 17–27 октября 2001 г. был избран Первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей, митрополитом Восточно-Американским и Нью-Йоркским.

17 мая 2007 г. в Храме Христа Спасителя совместно с Патриархом Московским и всея Руси Алексием подписал Акт о каноническом общении — документ, положивший конец разделению Русской Церкви.

Погребение почившего в Бозе Председателя Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви митрополита Восточно-Американского и Нью-Йоркского Лавра состоится в пятницу 21 марта в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (штат Нью-Йорк, США).

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II отпевание и церемония погребения возглавит митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий.

По материалам
сайта патриархия.ру
и службы коммуникации ОБЦС

В ПЕТЕРБУРГЕ БУДЕТ СОЗДАН ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Институт будет создан на базе кафедры библеистики Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Об этом на конференции «Духовные основы развития общества», проводимой во всех федеральных округах страны, сообщил профессор Санкт-Петербургских Духовных школ, магистр богословия, член Синодальной комиссии по канонизации святых протоиерей Георгий Митрофанов.

Институт будет создан на базе кафедры библеистики Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Отец Георгий напомнил участникам конференции, что еще в начале XX века в России обсуждалась идея создания богословских факультетов при Императорских университетах, однако революционная смута не дала реализоваться этому замыслу.

По словам отца Георгия, создаваемый институт будет учебным заведением для молодых мирян, желающих получить ка-

чественное богословское образование, с тем, чтобы в дальнейшем нести служение в епархиальных отделах, на приходах, в сфере светского высшего и среднего образования, в области социальной работы и журналистики.

Особенность института в том, что он будет поликонфессиональным. «Петербург изначально возник как поликонфессиональная столица православной империи, — подчеркнул отец Георгий. — Ключевая роль в институте, безусловно, будет принадлежать православным богословам, но мы планируем привлечь к работе и представителей других конфессий».

Занятия института будут проходить на базе культурно-просветительского центра при соборе Федоровской иконы Божией Матери в Санкт-Петербурге. Данный вопрос неоднократно обсуждался на заседании Попечительского совета Федоровского собора, который возглавляет председатель Государственной Думы РФ Борис Грызлов. На заседании Попечительского совета этот вопрос получил одобрение.

Еще в 2001 году при активном участии Русской Православной Церкви в России был принят государственный образовательный стандарт по специальности «Теология», позволяющий изучать богословские науки в светских высших учебных заведениях. В Российской Федерации теологию в настоящее время преподают уже более чем в 30 российских вузах, а в Беларуси с 2004 года при Белорусском Государственном Университете действует Институт теологии.

По мнению сторонников создания Теологического института в Петербурге, в северной столице имеются серьезные основания для создания подобного учебного заведения. Это и богатый научный потенциал — наличие большого количества профессиональных богословов, филологов, историков, и давнее желание создать такой вуз у священнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии.

Источник: «Вода живая»

ДУХОВНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ПОЛУЧИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АККРЕДИТАЦИИ

29 февраля 2008 года, сообщает пресс-служба Главы Российской Федерации, Президент России В.В. Путин подписал федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части лицензирования и аккредитации учреждений профессионального религиозного

образования (духовных образовательных учреждений)».

Согласно закону, отныне у Духовных школ появилась возможность получить свидетельства о государственной аккредитации, подтверждающие уровень реализуемых ими образовательных программ, что дает право на выдачу доку-

мента государственного образца, заверяемого печатью такого образовательного учреждения. В то же время свидетельство о государственной регистрации не устанавливает государственный статус образовательных учреждений профессионального религиозного образования.

ПАТРИАРХ ВАРФОЛОМЕЙ И ПАПА БЕНЕДИКТ
СОВЕРШИЛИ СОВМЕСТНУЮ МОЛИТВУ

6 марта Папа Бенедикт XVI встретился с Константинопольским Патриархом Варфоломеем. В завершение встречи два иерарха совершили совместную молитву в часовне Урбана VIII в Апостольском дворце, сообщает пресс-служба Святого Престола.

Это третья встреча римского понтифика и Вселенского Патриарха. Первая состоялась во время визита Бенедикта XVI в Стамбул в ноябре 2006 г., затем иерархи встречались в Неаполе, куда

Патриарх Варфоломей приехал для участия в Международном мировторческом конгрессе в ноябре прошлого года.

Патриарх Варфоломей председательствовал на академической церемонии в Папском Восточном институте, где он в свое время получил докторскую степень. Церемония была посвящена 90-летию основания Института.

4 марта Патриарх Варфоломей получил почетную степень доктора honoris causa в сфере международных отношений и дип-

ломатии. Этот грант был учрежден Университетом Триеста (Северная Италия).

Патриарха Варфоломея в поездке сопровождал митрополит Итальянский и Мальтийский Геннадий, экзарх Южной Европы (Константинопольский Патриархат), митрополит Гелиупольский и Тирский Афанасий, а также сопредседатель Совместной богословской комиссии по экуменическому диалогу между Православной и Католической Церквями митрополит Пергамский Иоанн.

СОВРЕМЕННОМУ ДУХОВНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ НЕ ХВАТАЕТ ГУМАНИТАРНОСТИ, А ГУМАНИТАРНОМУ – ДУХОВНОСТИ

Интервью с ректором Русской Христианской Гуманитарной Академии Дмитрием Кирилловичем Бурлакой

Продолжение. Начало на с. 1

прервалась, то неизвестно, что бы получилось. Византизм я называю духовно-очаговой культурой, и Россия в значительной степени унаследовала эту черту. Наш опыт связан с тем, что церковь не создала такой общенациональной и при этом не строго сословной системы образования, какая возникла ее трудами на Западе. Когда с Петра I началась модернизация страны, русские самодержцы вынуждены были буквально сверху насаждать систему университетского образования, но особенно интересуясь мнением церкви. Да она и не слишком стремилась в этом участвовать.

Так что для системы высшего образования в России характерно, что основная инициатива идет от властных структур – сначала царских, потом советских, когда наряду с «фирменными» императорскими университетами, которые продолжили свое существование в новых условиях, появились вузы, созданные декретами советского правительства. В том числе неплохие – Инженерно-экономический институт, Авиационно-строительный и т.п. Они выполняли социальные функции, способствуя культурной революции, индустриализации и т.д. Наши духовные академии и семинарии также создавались сверху, решениями Синода, правящего архиерея, и тоже, в конечном счете, по инициативе государства. На фоне этой российской культурной традиции мы выглядим достаточно нетрадиционно.

Но если мы посмотрим более широко, то увидим, что в фундаменте РХГА лежит мощный и глубокий корень – университетского европейского образования. Это наш отдаленный предок. Университеты в Европе были созданы вокруг определенных философских и теологических школ. Потом произошла институционализация, а затем вокруг этих теологических и философских школ народились уже нетеологические и нефилософские факультеты, кафедры, департаменты. Когда в Новое время совершался научно-технический переворот, университетское образование было наполнено другим содержанием: естественно-научным, техническим, математическим, гуманитарным. Произошла и дифференциация по типам вузов – университетские, политехнические, педагогические структуры. Так и получилась западноевропейская система образования. Получается, что духовные корни РХГА скорее в Средневековой Европе, поскольку наш вуз возник вокруг определенной идеи, школы.

Кифа: В своей статье «РХГА – экзистенциальный проект» Вы пишете: «В начале были арендованы несколько помещений. Но, прежде всего, вначале были идеи». Далеко не все христианские вузы, возникшие в конце 80-х – начале 90-х, так начинали. Многие из них только сейчас задаются вопросом о том, в чем состоит их миссия, какова концепция. А в РХГА сразу была четкая концепция?

Д.К. Бурлака: Не совсем так. Первоначально были некоторые интуиции, довольно смутные. Модель целостного гуманитарного образования, выстроенного на христианских ценностях, которую я описал в своей статье, – результат 10-15-летней работы по ее реализации. Концепция складывалась по мере воплощения интуиций.

Поначалу вообще-то была идея создать нечто альтернативное государственной системе образования. В ее составе можно выделить три основных эмоционально-духовных порыва: дать образование хорошего качества, сменить идеологическую ангажированность на открытость и продолжить рутину и связанную с ней бюрократичность. Сама жизнь в нашем кружке единомышленников подвигала нас к тому, чтобы как-то систематизировать эту первоначальную практику.

Кифа: А что это за кружок?

Д.К. Бурлака: Это группа выпускников и профессоров Ленинградского государственного университета. Первая структура, которая возникла, называлась Высшие гуманитарные курсы. Сейчас она уже не существует, но мы вышли из этих самых Гуманитарных курсов, которые начали свою деятельность в марте 1989 года. Т.е. через год нам будет 20 лет. Потом из этих Курсов родилось три вуза, которые по сей день продолжают функционировать и имеют и лицензии, и аккредитации государства.

Самым большим из этих трех вузов является наша академия. Она как бы правопреемница Курсов подобно тому, как Россия является правопреемницей Советского Союза. Также есть Институт иностранных языков (ИИЯ) и Восточный институт (ВИ). Разделение между тремя этими вузами произошло по религиозному и идейному признаку. Размежевание по специализации вторично.

Кифа: Что послужило причиной разделения?

Д.К. Бурлака: Различный ответ на вопрос – следовало ли нам двигаться просто в направлении некоторой альтернативности сложившейся советской и постсоветской госсистеме или надлежало насытить образовательную программу духовным содержанием. Мы, понятно, пошли вторым путем, тогда как ИИЯ и ИВ – первым, став в конечном счете обычными негосударственными вузами, каковых в нынешней России свыше полтысячи. Разделение прошло безболезненно. Хотя сейчас у нас нормальные отношения.

В отличие от многих других вузов у РХГИ-РХГА не было каких-либо спонсоров, которые бы помогали нам на систематической основе. По моему интуитивному

предположению мы единственные из всех христианских образовательных структур, кто существует в режиме полной самокупаемости. Причем работаем уже в течение 20 лет. Конечно, разовая помощь была, когда Бог видел, что нам без нее просто не выкарабкаться. Например, в 1998 г., когда мы получили это здание на Фонтанке, находившееся в аварийном состоянии. Мы бы не смогли сделать первые самые важные шаги по ремонту и оснащению помещений без внешней – западной и российской помощи. Но все остальное мы совершили за счет собственных средств. Текущую же работу вуза никто и никогда не спонсировал. Подобные РХГА российские структуры живут, как мне пред-

Занятие в Университете Болоньи. Книжная миниатюра.

ставляется, в другом режиме. Возьмем Свято-Тихоновский университет: там какие-то смешные деньги за обучение, но кто-то же должен платить преподавателям, за аренду и т.д. Вот Свято-Филаретовский институт – его братства спонсируют. У ББИ есть какие-то, наверное западные, спонсоры. Спонсоров Университета св. ап. Иоанна Богослова я даже видел, когда они приходили к нам в гости с о. Иоанном (Экономовым). Мы же с самого начала были поставлены в условия, когда необходимо было научиться самим зарабатывать деньги. Для этого надо было конкурентоспособным. Говоря рыночным языком, потребитель может какое-то время покупать плохие услуги, но очень скоро он разберется. Жизнь подвигала нас к тому, чтобы давать качественное образование. И мы вошли в рыночные отношения.

Кифа: РХГА финансируется за счет оплаты обучения студентами?

Д.К. Бурлака: Да. Поэтому у нас самая высокая плата за обучение среди христианских вузов в России и, хотя и не самая, но достаточно высокая среди негосударственных вузов. Правда, и качество образования высокое. Все-таки у нас учиться порядка 800 студентов. Нам нужно было показать то, чем мы принципиально отличаемся от действующих вузов. Это наше фундаментальное методологическое отличие было сформулировано и реализовано как концепция целостного гуманитарного образования. Модель культурологически-целостного гуманитарного образования можно рассматривать с разных сторон, но я обращу внимание на такой момент. Наша российская система, даже в классических университетах, несет на себе печать индустриальной эпохи, когда человек мыслится как некоторое приложение к определенной функции – например, быть учителем биологии. Еще больше эта функциональность видна в инженерном образовании. Но на самом деле человек не функция. Он субъект культурно-исторической жизни. Если мы хотим получить на выходе из вуза личность, а не винтик в определенном механизме, то мы должны научить человека, прежде всего, мыслить. Как можно научить мыслить? – Нужно погрузить сознание студента в историю культуры. Сама история или психология, или философия – это лишь сфера или аспект культурно-исторической жизни. И хотя 10-20 лет назад я не мог так ясно сформулировать эту концепцию, мы исходно отказались от отраслевого принципа подготовки специалиста-гуманитария, в рамках которого историк занимается только историей, философ – только философией, а все остальное доведок. В основу общеобразовательной части программы было положено погружение сознания каждого студента в историю мировой культуры. По-другому эту модель можно назвать культурологически-структурированной моделью образования.

Кифа: Когда и как родилась идея целостного гуманитарного образования?

Д.К. Бурлака: Идея у нас была уже тогда, когда мы создавали Гуманитарные курсы. Невозможно сказать, как она родилась. Был такой круг философов, филологов, востоковедов. Нас объединяло желание создать новую структуру, альтернативную государственному образованию. Рождение этой идеи было похоже на чудо. За эти 20 лет чудес вообще было много. В том числе – получение этого здания, его ремонт.

Мы объявили набор. Пришли люди. Было много ярких преподавателей. Здесь как в спорте: если вы наберете много ярких игроков, а не будет схемы, по которой команда будет играть, то команда проиграет – «порядок побивает класс». Преподавателей надо было объединить по какой-то схеме. Начали выработать эту схему. Она оказалась приемлемой. Сама жизнь показала, что людям нравится та модель образования, которую мы предлагаем. Постоянно искали баланс между общеобразовательным компонентом программы и специализацией, поскольку человек должен получить какой-то документ на выходе. Помимо того, что мы прививаем ему какие-то общие установки, мы должны давать определенную профессию. Был поиск. Мы думали, останемся ли мы лекторским или все-таки будем двигаться к регулярному учебному заведению? Может быть, жизнь, может быть, необходимость выживать подтолкнули нас к тому, что мы должны становиться регулярным учебным заведением. В начале 90-х гг. был принят Закон об образовании. Я оцениваю его очень положительно, нынешняя редакция хуже. В соответствии с этим законом мы должны были получить лицензию. А чтобы получить лицензию, мы должны были обозначить круг специальностей или направлений, по которым будет вестись подготовка. Государство нас подталкивало к тому, чтобы мы нашу культурологическую, духовно-целостную программу как-то формализовали. Происходил некий процесс взаимодействия между государством и частными инициативами, вышедшими в гражданской среде.

Кифа: Вы бросили вызов университету?

Д.К. Бурлака: Скорее нашли и заполнили определенную нишу, которую никто кроме нас не нашел и не заполнил. С одной стороны, это ниша гуманитарная и наш потенциальный клиент – это тот человек, который не смог поступить на бюджетное место (хотя сейчас многие приходят сразу к тому, что не может заплатить тех денег, которые требует госуниверситет. А с другой стороны, мы предлагаем определенный духовный компонент, чего университет в принципе сделать не в состоянии.

Кифа: Как вы к этому компоненту пришли?

Д.К. Бурлака: Это уже вопрос философский и богословский. В принципе нам можно было остановиться на идее культурологически-целостного образования. Что-то подобное пытался сделать РГГУ, и там как раз секулярный подход – когда культурология рассматривается даже не как наука, а как базовая методология образовательного процесса. На этом можно было бы остановиться, и такая модель была бы вполне конкурентоспособной. Но здесь уже дали себя знать мои философские наклонности. Я задался вопросом: а все-таки, есть в истории какая-то логика?

Чтобы реализовать культурологически-целостную модель образования, ее надо как-то отструктурировать. В противном случае мы будем тонуть в эмпирическом материале. Вель и культурология бывает разной. Есть более ориентированная на мир искусства, а есть ориентированная на некоторую логику истории.

Мне были знакомы различные модели интерпретации структуры и смысла истории. Мне импонировала модель, предложенная Гегелем и Шеллингом, а затем более христиански интерпретированная славянофилами, потом Соловьевым и Бердяевым – когда Логос лежит в основании исторической жизни. Отсюда возникает не только специфически логосное видение истории, не сводимое к так называемому «единству исторического и логического», но и понимание культуры как символизации духовных процессов. Этим мы выходим в духовное основание культуры. А духовное основание культуры – это мировые религии. Методология же интерпретации духовных основ культуры сформулирована великими представителями русского идеализма. Получается, что идеи Бердяева, Франка, Соловьева обретают в программе РХГА, в самой логике ее построения, свое практическое приложение. Но, еще раз хочу подчеркнуть, этот ход мысли – от культурологии к религиозно-фундаментальной историософии – не являлся логически неизбежным. Скорее, он был некоторым свободным решением.

Кифа: А как же здесь Ваши религиозные предпочтения?

Д.К. Бурлака: Да. В данном случае, в момент перехода от светской культурологической к христиански ориентированной модели образования именно волевые моменты сыграли большую роль, нежели прагматические. Прагматически в рыночных условиях более успешной была бы некая религиозно-нейтральная культурологическая модель. Поэтому когда Высшие гуманитарные курсы стали распадаться и из них выплывали три вуза, то для нас, тогда Русского Христианского Гуманитарного Института, в течение 5-6 лет, где-то с 1993 до 1998 года, наступили очень тяжелые времена. Бренд Курсов был достаточно раскручен, а мы его утерли. Появилась новая структура со словом «христианский»

в своем названии. Это стало многих людей отпугивать. Ведь тогда еще не было такого позитивного отношения к религии в массах. Атеизм вроде отбросили, но инерция осталась. Многие думают, что христианство — это нечто клерикальное. Если вы назвали христианским учебным заведением, то вы должны обязательно готовить священнослужителей. Это стереотипы, но они продолжают работать. И это были трудные годы для нас. Пока не сложился новый имидж, а мы своей работой не доказали, что имеем право на существование. В 1994 году мы получили гослицензию на РХГИ, а в 1999 году мы прошли государственную аккредитацию. Госаккредитация радикальным образом изменила нашу позицию в образовательном пространстве Санкт-Петербурга, да и России. В отличие от подавляющей части христианских учебных заведений мы получили не только общественное или внутриконфессиональное, но и государственное признание. Читатели газеты Клифа — это православные люди. Но в России действуют многочисленные протестантские и католические вузы и колледжи, которые зачастую не имеют не только госаккредитации, но даже лицензии. Не аккредитованы и православные семинарии. Вот такой своеобразный путь был пройден нами за истекшие двенадцать лет.

Клифа: А как в числе учреждений РХГА оказалась Санкт-Петербургская Духовная академия?

Д.К. Бурака: Еще во времена Курсов у нас работало много преподавателей из академии. Когда создавали институт, было очень логично взять академию в учредители. Тогда о. Василий Стойков был ректором. У нас с о. Василием сложились самые теплые отношения, как и с владыкой Константином. Они стали еще более тесными благодаря сотрудничеству в межвузовской ассоциации «Покров», которую он возглавляет. К слову, когда владыка Константин занял пост ректора СПбДА, он с большой симпатией к нам отнесся, даже где-то написал, что восхищен деятельностью РХГА.

Работа, которую выполняет РХГА, — это как раз то, чего не хватало России в период синодальной церковной жизни. Я имею в виду социо-культурную миссию Церкви, которая не подменяет собой сакральную жизнь, как это имеет мест в цивилизационных пространствах протестантской ориентации, но дополняет мистическую и богослужебную практику. Нельзя сказать, что отсутствие революционно-просветительской работы прямо привело к катастрофе 1917 года, но оно придало ей такой катастрофический и резко антихристианский характер. Русская православная церковь, в общем-то, не смогла в полном объеме выполнить свою социальную миссию. Поэтому и была такая жесткая реакция социальных низов на церковь.

Церковь была локализована в результате реформ Петра I в обрядовой сфере, превращена в некую не способствующую христианизации общественной жизни корпорацию гражданского общества. Я не возлагаю ответственности за революцию на церковь. Но если бы страна была в большей степени христианизирована (а жизнь показала, что Третий Рим, Святая Русь и т.п. — это только мифологемы, не настолько было христианским наш народ, как о нем думали, славянофильские иллюзии в одночасье рухнули), то не то, что революция не произошла бы вовсе, но, может быть, наша страна вообще пошла бы по другому пути. Многие страны на исходе Средних веков испытали подобные потрясения, но ни в одной не было таких страшных антихристианских и антицерковных гонений, как в России. Сегодня мы в РХГА, по сути дела, выполняем миссию внутренней христианизации культуры. Причем, как мечтал Достоевский, через конкретное дело. Работа РХГА — это один из возможных вариантов программы «малых дел», которую провозглашали почвенники.

Клифа: В связи с этим, вопрос о третьем компоненте вашей концепции — русским элементе. Вы смело называете и называете свою академию (прежде институт) именно «русской», не «российской».

Д.К. Бурака: Смелость в каком-то смысле вынужденная. Чтобы стать «российской», нужно иметь федеральное значение, платить определенные деньги — это очень хлопотно. Было возможно стать «санкт-петербургской» или еще какой-то, но мы решили стать русской. Это решение было неоднозначно принято учредителями — споры идут до сих пор.

В чем неоднозначность? Есть какой-то националистический привкус в этом названии. Это смущало и смущает многих по сей день. Но нельзя отдавать слово «русский» на откуп националистам. В конце концов, Пушкин — русский поэт, Достоевский — русский писатель. Русская культура неоднозначна — в ней есть Бердяев и Ленин, св. прп. Нил Сорский и царь Иоанн Грозный.

Логически имя «русский» соответствует определенному компоненту нашей программы, поскольку мы исходим из того, что мировую культуру нельзя познать абстрактно, вне национальной традиции, но и русскую культуру невозможно изучать вне мирового контекста. Общее мы познаем в освоенном, а особенное — исходя из общей ситуации. Поэтому раз уж мы называемся вузом гуманитарным (комплексное гуманитарное образование) и христианским (подводим христианское видение под историю культуры), то надо сказать и третье — мы не какие-то абстрактные гуманитарии и абстрактные христиане. Мы принадлежим к определенной духовной традиции. Это традиция русской культуры. Другое дело, какие акценты мы здесь ставим.

Политически же имени «русский» в названии РХГА отвечает наше нежелание покидать сферу русскости в хорошем смысле этого слова, т.к. русская культура является системообразующим началом для россий-

ской государственности. Россия многонациональна и многоконфессиональна, но как в конфессиональном отношении православие является системообразующей силой культурного развития, так и все-таки русская культура, не белорусская, не бурятская, даже не украинская, является системообразующей в части культурного строительства. Никуда от этого не уйти. Мы себя к этой культурной традиции причисляем и не хотим нигде от нее деваться. Хотя критикуют нас очень сильно с разных сторон.

Клифа: Так это хорошо.

Д.К. Бурака: Хорошо, но это смущает абитуриентов. Хорошо, если бы у нас спонсором была какой-нибудь «Газпромбанк» (смеется). Можно называть себя и русским и таким, и сяким, если тебя кто-то финансирует, а если ты зависишь от мнения потребителей твоих услуг, то это не так хорошо. Кому-то это очень нравится. Кто-то просто терпит. Кому-то очень нравится, что мы христианское учебное заведение — только здесь и хотят учиться. Кто-то говорит: «ну ладно, зато у них образование хорошее».

Клифа: У нас ведь не все преподаватели и студенты христиане?

Д.К. Бурака: Конечно, и это тоже является одним из важных принципов формирования команды. Верующий — это не профессия, а нам нужны хорошие профессионалы на местах профессоров.

Миссия академии двояка. С одной стороны, дать христианину возможность получить хорошее профессиональное образование в соответствующей среде. Хотя сейчас везде психологическая среда вроде нормальная. По-разному бывает, но у нас среда хорошая. С другой стороны, наша миссия состоит в том, чтобы помочь не христианину как-то приблизиться к христианству. Как это сделать? Не путем прямой проповеди. Наша академия не церковная структура. Совместные молитвы перед началом занятий не входят в нашу концепцию. Если студенты хотят молиться, то они могут сделать это отдельно, мы даже можем выделить специальное помещение. У нас в Академии учатся люди разных исповеданий. И в каком-то смысле мы даже созданы для неверующих, чтобы их обратить. Как? Через само содержание учебных занятий.

Клифа: Такая цель есть?

Д.К. Бурака: Да, такая цель есть. Миссионерская. Мы этого не афишируем, но и не ретушируем.

Клифа: Что бы Вы назвали основной проблемой современного духовного и гуманитарного образования в России?

Д.К. Бурака: Духовному образованию не хватает гуманитарности, и это очень серьезно ограничивает возможности проповеди Слова Божьего в современном мире. Наше духовное образование тоже построено по принципу индустриальной эпохи. Оно выпускает «кадры для внутреннего употребления» в худшем смысле — готовит требослужителей, учит «махать кадиллом». Это, безусловно, нужно. Я не говорю, что священник не должен правильно исполнять обряды. Но священник на современном уровне не имеет права быть просто требослужителем. В конце концов, обряды есть во всех религиях. Но только христианство является религией воплощенного Слова. И церковь возлагает на своих членов эту обязанность продолжать воплощение. «Проповедуйте Евангелие всей твари». Один из способов проповеди Евангелия всей твари — это участие в обрядах православной (или католической) церкви. Но для этого человек должен или родиться в этой церковной среде, либо его нужно туда ввести. А чтобы его ввести, необходимо говорить на языках, на которых говорит современный мир. Если этого не происходит, то церковь обречена быть если не маргинальным сообществом, то очень жестко локализованным в обществе. И когда иерархи говорят, что 60% населения православные, мне как практикующему христианину понятен статус этих утверждений. И Вам, наверное, тоже? Когда мы идем в храм в воскресенье — город пуст. Выйдете в понедельник — город кишит людьми. Где они, эти остальные люди? Они не бегут в церковь сломя голову. Они спят все. Реально практикующих право-

славных 1-2% и столько же реально практикующих протестантов всех деноминаций. Где остальное общество? К нему нужно выходить, но при этом наша проповедь должна быть выстроена в соответствии с интеллектуальными и эмоциональными запросами той социальной группы, на которую проповедь рассчитана.

Если мы выйдем и будем рассказывать что-то о Троице — нас не поймут. Большинство людей это не нужно. Рассказ про обряды интересен достаточно узкой аудитории, а для большинства — это не более чем этнокультурная экзотика. Мы должны ответить на какие-то насущные проблемы, которые сейчас стоят перед людьми. И ответить на эти проблемы с христианской точки зрения. Здорово, если священник может рассказать, как нужно поститься. Но если он не может рассказать, с какой радостью в принципе потребно пощение — это плохо. Это я и называю недостатком гуманитарной культуры. Абстрактным образом (сверху, по приказу) гуманитарную культуру не сбросить в духовные семинарии и академии. Нужен синтез между духовными ценностями и ценностями культурными, которые можно охарактеризовать в качестве душевных. Я думаю, что как раз русская религиозная философия (Федотов, Бердяев и др.), при всех ее недостатках, дает методологию для этого синтеза духа и культуры. Отбрасывать идеи русских религиозных мыслителей контрпродуктивно.

У гуманитарного образования несколько проблем. Первая связана с поиском духовных основ. После падения коммунистического режима образовался идеологический вакуум. Я не могу сказать, что знаю как заполнить этот вакуум. На своем месте — да. В сфере частного образования мы предлагаем христианскую модель. Но если насильно внедрить христианство в государственные вузы или школы, то ничего хорошего из этого не получится. Будет фарс. Универсальных методик я не знаю.

Второй момент проблематичности современного российского гуманитарного образования связан с переходом из индустриального состояния в информационное. Многие наши структуры к этому не готовы. Конфигурация наук меняется очень быстро. Информационная эпоха — это не только кнопки нажимать. В ней будут господствовать страны с интеллектуально-финансированной экономикой, построенной не просто на некоторой совокупности знаний, а на умении их быстро применять и генерировать. Т.е. это общество, где основными субъектами будут креативные, хорошо владеющие информацией личности. К сожалению, я не вижу в нашем обществе радикальных подвижек к осознанию того, что мы живем в другую эпоху. Есть критика пост-состояний, в которых пребывает современная Россия. А мы живем одновременно в нескольких пост-измерениях — постсоветском, пост-индустриальном, постхристианском, которое более правильно, на мой взгляд, назвать постконстантинпольской эпохой в жизни церкви. В целом наше время часто именуют пост-модерном. Но критика несет отчасти глупый характер: «Как всем наелось этот постмодернизм».

Постмодерн, на самом деле, есть некоторое переходное состояние. Движение от индустриальной цивилизации к информационной — один из аспектов этого постсостояния. Избежать информационную эпоху невозможно. Т.е. возможно, но тогда мы окажемся на обочине, как народы Севера или народы Юга со своими замечательными традициями. Возвращаясь к теме образования, скажу, что предпринимались какие-то попытки модернизации, но они заглохли. Сверхходы от нефти и газа, к сожалению, не дают возможности четко видеть перспективы. К слову, наша модель целостного гуманитарного образования, когда смысл образования видится в том, чтобы научить мыслить, не противоречит этому переходу. Обучение в РХГА сочетается в себе ответ на вызовы времени со стремлением к вечным и непреходящим ценностям, которые дал нам Христос и продолжает хранить Церковь.

Беседовал Александр Буров

**СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОДЕЙСТВИИ ОТДЕЛА РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И КАТЕХИЗАЦИИ
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА
ПРОВОДИТ 26–28 МАЯ 2008 Г. МЕЖДУНАРОДНУЮ НАУЧНО-БОГОСЛОВСКУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ
«ОБРАЗОВАНИЕ В XXI ВЕКЕ: СТРАТЕГИИ И ПРИОРИТЕТЫ»**

Тема конференции обусловлена явным дефицитом образованности, который испытывают в наше время и церковь, и общество. Во многом это происходит из-за ориентации на «инструментальный» характер образования. Оно часто становится лишь способом привития полезных навыков.

Духовное образование испытывает те же трудности. Выпускники духовных семинарий и академий часто владеют не столько знаниями, сколько совокупностью техник (совершения церковных служб, миссионерских встреч, катехизации и т.д.).

И в той, и в другой сфере нужно находить пути идеологизации образования, отказываться от попытки манипулирования сознанием, навязывания стереотипов.

Еще одной проблемой является конфликт парадигм духовного и светского образования. Они либо изолированы друг от друга, либо эклектически смешаны, либо одно поглощается другим.

В рамках конференции предполагается конкретизировать основные тенденции развития современного образования, оценить ситуацию, сложившуюся за последние двадцать лет в церкви и обществе, а также определить доминанты образования в XXI веке, прояснить стратегии и основные приоритеты образовательной деятельности. Хотелось бы при этом познакомиться и с опытом позитивного решения названных выше проблем.

По итогам конференции будет издан сборник, в который войдут не только доклады, но и выступления в дискуссии.

Адрес оргкомитета:
Москва, 105062, Покровка, 29–38, Свято-Филаретовский институт, Оргкомитет конференции.
Эл. адрес: info@sfi.ru.
Тел. (495) 6230380, 6257786

**Председатель оргкомитета,
ученый секретарь СФИ проф. А.М. Копировский**

СЕСТРА ИОАННА РЕЙТЛИНГЕР – «ИКОННЫЙ ЖИВОПИСЕЦ»

(21 апреля 1898 г. – 31 мая 1988 г.)

Ташкент. 1970-е-1980-е гг.

казали и кризис традиционного иконописания. Стилизация, появление иконописи всех стилей и традиций одновременно (например, в палехской и мстерской иконе), стремление при этом к декоративности как принципу были естественным следствием вырождения духовного образа, которое началось еще с эпохи Ивана Грозного. Это вырождение было лишь ускорено попытками закрепить определенные внешние формы икононого письма отсылкой к древним образцам, с устранившим дополнением: «а от своего замысла ничего не превратить».

Сегодня существует несколько направлений возрождения иконы. Есть путь «вычитания» элементов светской живописи из иконы – он малоперспективен, т.к. ведет не к воплощению, а к развоплощению образа. Известный современный иконописец, руководитель мастерской при храме свт. Николая в Клениках в Москве свящ. Николай Чернышев пишет об этом: «В наши дни, как бы «в борьбе» с западными чувственными изображениями, у нас появились изображения совершенно бесчувственные, почти схематичные». (*Проблемы современной церковной живописи, ее изучения и преподавания в Русской Православной Церкви. Материалы конференции 6 – 8 июня 1996 г. М., 1997. С. 37*). Среди тех, кто счастливо избегает этого, сам о. Николай, архим. Зинон, мозаичист А.Д. Корнухов и еще несколько иконописцев, но в целом, к сожалению, формальное направление в иконописи сейчас преобладает.

Так же малоперспективен и путь «сложения» иконописи и живописи, когда живопись на церковный сюжет лишь слегка иконоизируется, но синтеза при этом не происходит. Такой подход порождает полуконьки-полукартины («живоподобные» иконы кон. XIX – нач. XX в. преп. Серафим, свт. Феодосий Черниговский и т.п.), широко распространенные, но фактически отошедшие от духовной выразительности, свойственной традиционной византийской и русской иконе.

Однако есть и еще один путь возрождения иконы. Он подобен духовно-художественному процессу, происшедшему в первые века христианства, – это «рождение» иконы из живописи. Русские художники, шедшие этим путем, прежде всего – В.М. Васнецов, М.В. Нестеров, М.А. Врубель – делали это противоречиво, двойственно и, можно сказать, не достигли цели (последний, как ни покажется это странным, был к ней ближе других, т.к. не стилизовался под икону и не пытался механически соединить иконопись и живопись, но последовательно исходил из решения живописных задач).

Значительно успешнее продвигались в этом направлении иконописцы – инок Григорий Круг, отчасти – его ученик Л.А. Успенский, ставший известным, кроме того, как исследователь и апологет церковного искусства и, наконец, инокиня Иоанна (в миру – Юлия Николаевна Рейтлингер), которая прямо назвала себя «иконным живописцем». О ней и пойдет сегодня речь.

Юлия Рейтлингер (баронесса фон Рейтлингер, впрочем, от приставки «фон» отказалась еще ее дед, генерал) родилась в Санкт-Петербурге в 1898 г. Она начала рисовать с детства, причем занималась этим постоянно, так что в гимназии ее дразили «художницей».

В 1918 г., спасаясь от революции, она уехала с семьей в Крым, где познакомилась с о. Сергием Булгаковым, что и определило ее судьбу – она посвятила себя служению Богу и Церкви.

В 1921 г. Ю.Н. эмигрирует в Чехословакию, где читает «Историю русского искусства» И.Э. Грабаря. Здесь же происходит ее первое знакомство с древнерусской живописью, причем сразу на очень высоком уровне – на занятиях в семинаре лучшего тогда знатока древней иконографии Н.П. Кондакова, книгу которого «Иконография Богоматери» она впервые увидела в Крыму.

В это же время Юлия Рейтлингер начинает писать иконы (пройдя предварительное обучение у К. Каткова, иконописца старообрядческой традиции). «Моя мечта, – записывает она в дневнике, – творческая икона, но ремесло необходимо».

В 1925 г. она переезжает в Париж, чтобы помогать семье о. Сергия. Здесь Ю.Н. знакомится с наиболее

известным иконописцем русской эмиграции Д.С. Стеллецким, работавшим в собирательной «русской манере» и, на основе этого знакомства, окончательно формулирует для себя отрицание стилизации как принципа иконописи.

В 1929 г. Ю.Н. едет в Мюнхен на выставку оригиналов древнерусских икон, привезенную из СССР («Троица» Андрея Рублева и «Богоматерь Владимирская» были представлены на этой выставке в точных копиях). Пять дней, с утра до вечера, она провела на выставке. Впечатление от икон было огромным и наложило отпечаток на весь ее дальнейший путь как художника. «Только после выставки, – вспоминала она, – я поняла истинный путь иконописца, ибо увидела творчество великих художников, которым хочется следовать по художественному и духовному устремлению одновременно».

Для того чтобы реализовать это желание, она, занимаясь иконописью, одновременно поступила ученицей в мастерскую выдающегося французского художника Мориса Дени, который ставил целью возрождение средневековой церковной живописи современными художественными средствами. Его ателье она посещала вплоть до 1940 г.

Желание духовно-художественного синтеза видно, например, в том, как Ю.Н. вырабатывала собственный художественный язык. Она стремилась найти адекватное современное выражение тому, что было ею увидено в выдающихся древних иконах. «Знакомство со старой русской иконой, – пишет она, – показало мне, как важна для иконописца уверенная линия (говорю не о калках, а о чисто художественной линии), и я стала в ней упражняться: делала наброски и кистью, тонким пером тушью. На каникулах в деревне ходила по полям, как японицы – привязав баночку к поясу...». Так Ю.Н. реализовала сформулированную ее учителем и духовником прот. Сергием Булгаковым задачу иконописца: «нахождение современных средствами и современным сознанием однажды найденного мастером (древности – АК)».

Подтверждение правильности ее пути ковенным образом проявилось в виде реакции одного из посетителей выставки общества «Икона», созданного в Париже в 1925 г., написавшего в книге отзыв: «Мертвенная неподвижность, если бы не иконы Рейтлингер».

Сотворение мира (деталь). Часовня св. Василия Великого доме содружества св. Албания и преп. Сергия. Лондон. 1945-1947 гг.

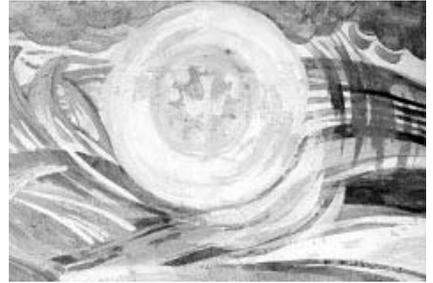
Эти же поиски отражаются в ее размышлениях о современной иконе: «Икона не картина, а предмет для молитвы, и меня мучило, как сделать, чтобы она была духовной, чтобы она не мешала молиться, а в то же время была искусством? Ибо мы, художники, именно искусство хотим принести к ногам нашего Господа». Мысли Ю.Н. и ее первые иконописные работы оказали определенное влияние на представления об иконе прот. Сергия Булгакова во время написания им книги «Икона и иконопочитание» (1930–31 гг.).

К 193 г. относятся первые сделанные Ю.Н. росписи в церкви Иоанна Богослова в Медоне, под Парижем (обширной для храма – бывшего барака – послужила продававшаяся на слом фанера, купленная Ю.Н. за собственные деньги).

О медонских росписях ярко и точно высказался один из самых значительных исследователей искусства русской эмиграции Владимир Вейдле: «Они (росписи – АК) ... примыкают к ней (иконографической византийской и древнерусской традиции – АК) свободно, стремясь ее продолжить, а не повторить, и в крайности, и в изобразительных приемах, в письме отнюдь не отрываются от того живописного зренья,

вне которого нельзя себе представить современного искусства».

В 1935 г. Ю.Н., вслед за своей подругой Елизаветой Скобцовой (впоследствии – знаменитой матерью Марией, мученически погибшей в 1945 г. в Равенсбрюке и причисленной в 2002 г. к лику святых), принимает монашеский постриг. (Митр. Евлогий (Георгиевский) постриг ее в расофор, а не в мантию только потому, что не счел возможным обращение к ней в таком случае со стороны пожилой монахини – «ма-

Сотворение мира (деталь). Часовня св. Василия Великого.

тушка»). Как и м. Мария, новопостриженная инокиня Иоанна (имя она получила в честь св. пророка Иоанна Предтечи) остается в миру, парадоксально обосновывая это решение: «Монастырь – нет; но послушание – свободное творчество». Тем не менее, это не означало, разумеется, что монашество, как и вообще церковная традиция были для нее чем-то внешним, лишь необходимым для свободного творчества «материалом». Как писал В. Вейдле: «Во всех ее созданиях присутствуют оба условия, вне которых религиозное искусство одинаково невозможно: подлинное художественное творчество во всей его свободе и подлинная религиозная жизнь». Сама с. Иоанна, углубляясь в молитву, духовные размышления и иконописное творчество, все больше смиряется перед тайной, которая открывается ей. «Как нужно безгранично верить, чтобы писать иконы!» – выражает она свое открытие в дневниковой записи, ни на минуту не помышляя, что такая вера у нее есть. Трезвость самооценки позволяет ей не раствориться в упоении собственными успехами.

С. Иоанна, в результате серьезных размышлений, приходит к выводу, от которого, к сожалению, далеки многие современные иконописцы, использующие в своей работе исключительно «бесплодные» (или кажущиеся такими) канонические образцы, что сводит иконопись к благочестивому ремеслу. Она утверждает исключительно высокую ценность непрерывного искания. «Можно ли писать иконы, когда ищешь? (когда не наша?). Но ведь разве всегда когда-нибудь – наша? Так все и есть – в искании. И открывается только в искании. Иначе – престель видения». Однако очень важно, что видение в ее понимании не во всех случаях отождествляется с фантазией, иллюзией. Художник-иконописец, опирающийся на традицию, тем не менее, не освобождается от основы художественного творчества, неизменной во все века, во всех культурах – непосредственного озарения, как бы лицемерия того, что затем переносится на бумагу, доску или холст. «Узреть – и явить это видение», – записывает она как задачу иконописца и, одновременно, основание для его работы.

В 1930-е – 40-е гг. с. Иоанна создает многие иконы и росписи для различных храмов зарубежья. К 1945–47 гг. относится вершина ее монументального творчества: росписи часовни свт. Василия Великого и дома содружества преп. Сергия и свт. Албания в Лондоне (в частности, на темы Сотворения мира и Апокалипсиса). В ней нашли свое выражение основные принципы «иконной живописи» с. Иоанны, выраженные ею, в частности, в короткой дневниковой записи: «В иконе изумительно должна сочетаться правомерная декоративность (здесь – чистый цвет, контрастность, плоскостность, отрешенность от бытовизма и т.п. – АК) с внутренним большим содержанием экспрессии. ... Мне хочется жизни!» Синтез иконописи и живописи на живописной основе(!) состоялся.

В 1948 г. с. Иоанна переезжает в Прагу, чтобы соединиться с сестрой и ради подготовки к возвращению на родину. В эти годы она переживает тяжелое искушение, столкнувшись с очевидными нарушениями евангельских принципов жизни в среде священнослужителей: один из священников, чтобы стать епископом, заставляет свою жену принять постриг, в котором приходится участвовать и с. Иоанне. Это приводит ее даже к отходу от церкви, затем она отходит и от иконописи.

Продолжение на с. 7

ДАР ДЕТСКОСТИ

Интервью с профессором Никитой Алексеевичем Струве

За аналоем — С.С. Аверинцев.
На переднем плане крайний слева — проф. Н.А. Струве

— Никита Алексеевич, хотелось бы попросить Вас поделиться воспоминаниями о встречах с Сергеем Сергеевичем Аверинцевым.

Н.А. Струве: Я познакомился с Аверинцевым сравнительно давно. Если память мне не изменяет, в 1988 году Сергей Сергеевич приехал в Париж на празднование юбилея Льва Толстого. Я сначала встретился с ним у моего друга — профессора-слависта Бонамура, и мне кажется, что мы как-то сразу друг друга узнали, друг друга в каком-то смысле поняли. Я повёл его в соседнюю православную церковь, которая была бесхозна и разрушалась, но где были замечательные стеновые панно сестры Иоанны Рейтлингер (к счастью, впоследствии их удалось спасти, перевезти в Москву). Они его поразили, как и печальное, обреченное состояние этого храма, напоминающего положение в Советской России...

С тех пор я его встречал в самых разных обстоятельствах и в разных странах.

У нас в 1991 г. был общий план — издать вторую мистерию «о второй добродетели» французского поэта-пророка Пегги в его переводе и мы всерчались по этому поводу за ужином во французском посольстве. Страсть к Пегги тоже нас объединяла. Как-то случилось так, что в один из его приездов в Париж в нашем главном театре — «Комеди Франсез» — впервые давали мистерию Пегги, и я взял с собой Сергея Сергеевича. После этого я его всё понукал продолжить труд перевода Пегги, но он мне говорил, что уже отчасти отходит от этой задачи — потому что взялся за перевод Евангелий, и это, конечно, было для него главнейшим, хотя у Пегги есть замечательные, я бы сказал — Евангелием вдохновленные места. Издание Пегги осуществилось уже после его смерти как антология разных его произведений, но в нее был включен так и не оконченный перевод Аверинцева.

Мы встречались и в Италии, но не в Риме, а в Бергамо, гуляли по городу и общались самыми незатейливыми фразами и репликами. Я его тогда, помнится, спросил: «Не пугает ли Вас множество народу, множество других «я»?», на что он ответил, что это чувство его тоже мучает. Но иной раз он отшучивался, чтобы не было ничего превысшего в общении, а иногда любил даже и повалить дурака. Как-то ужиная у нас он в какой-то момент, не зная с чего, одел на себя какое-то одеяло и в нем парализовал. У него...

— Простота какая-то была.

Н.А. Струве: Больше, чем простота. Естественно, обещание бывает подвластно конформизму, каким-то правилам: скажем, считается обязательным говорить «умные» вещи, особенно когда встречаются люди, считающие себя профессионально интеллигентными. А в нем было одновременно и природно детское, и нарочито детское, он стремился конформизм в общении нарушить.

Самая последняя моя встреча с ним была в Киеве — он приехал туда вместе с женой на конференцию. Мы жили в гостинице Киево-Печерской Лавры, в соседних комнатах, общались беспрерывно, ездили к замечательному молодому игумену Филарету в деревню. На службе он читал третий час, а я — шестой, — даже фотография сохранилась. (А девятый час, кстати, читал Семён Зайденберг). В тот приезд он в Киево-Могилянской Академии прочел едва ли не самую последнюю свою лекцию — об откровении в Ветхом Завете, она была более чем замечательная, как некое его завещание, и была встречена громом аплодисментов тысячной толпы студентов. А ректор Академии добавил, что подвергшись тяжелой болезни, он взял с собой в госпиталь книжку стихов Аверинцева.

А с другой стороны, я помню его страх перед выступлениями на коллоквиумах: «Несомненно, я провалюсь, я провалюсь, не сумею...» — и в Филаретовском Институте у него наряду с глубокими и светлыми лекциями бывали и менее удачные. Это было, потому что он не говорил нечто готовое, а когда выступал, не переставал как бы заново мыслить.

— Как Вы думаете, какое значение для церкви, для общества, для мира имеют труды Сергея Сергеевича Аверинцева и сама его жизнь?

Н.А. Струве: Я бы сказал, что его жизнь, его труды и облик — едины. Так что те, кто его не знал, может быть, многое недопонимают. У него очень много интереснейших, достойнейших писаний и трудов, но — и это тоже характерно — шедевра, главной книги, в которой он бы выразил себя, он так и не написал. Все его интересы были сосредоточены на христианстве, на Христе, но он писал и о Жукловском, много переводил армянских богословов, богословие и поэзия в нем прекрасно сочетались. У нас с ним бывали и разногласия, мы не соглашались друг с другом, спорили... Я, скажем, не так высоко как он, ценил поэзию Вячеслава Иванова. А вот в поклонении Осипу Мандельштаму мы с ним сошлись, он даже жалел, что мне повелось написать первую русскую книгу о Мандельштаме. Вот если бы он написал... В некоторых областях мы вот так — весело, по-детски — соперничали. В нем всегда, как я уже говорил, присутствовали эти детские, в высоком смысле этого слова, природа и дар.

— Как Вы думаете, почему у него была такая открытость к церкви? Ведь были тяжёлые годы, когда много было зонений со стороны государства. Но он этого не боялся, как не боялся потом войны в наше братство и публично заступаться за него, хотя это было очень непросто.

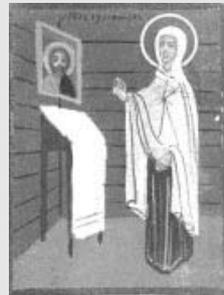
Н.А. Струве: Он обратился к вере сравнительно поздно, уже взрослым — если я не ошибаюсь, он крестился тридцатилетним, в те времена, когда это было и формой протеста против государственного, бесчеловечного безбожия. В те времена это был и гражданский акт, проявление мужества. Так что естественно он не боялся Вас поддерживать, так как видел в вашем движении проявление жизни. Вера его была максимально просвещённая, почти учёная — но одновременно и детская вера... Помнится, в Париже во дворе нашего собора он вдруг прощёлся младшей моей внучке, которой было тогда полтора года «Отче наш» по-арамейски, смотря ей прямо в лицо...

Беседовал Олег Ермолаев

Сестра Иоанна Рейтлингер — «иконный живописец»

Продолжение. Начало на с. 6

В 1955 г. сестра Иоанна переезжает в СССР. Местом жительства для нее определен Ташкент, где она долгое время вынуждена зарабатывать на хлеб ручной росписью платков.

Св. Иулиания.
Париж. 1930-е гг.

В 1960-е гг. происходит ее постепенное возвращение к иконописи, а затем и в первую очередь к «Иконе верула меня в шерковь», — вспоминала она впоследствии. Большое духовное утешение она получала от общения со свящ. Александром Меснем, в регулярной переписке с которым она состояла многие годы. Иконописи была для нее «окном» не только в сугубо духовный, церковный мир, но и в то, что не очень удачно было когда-то названо «общечеловеческими ценностями». Об этом она писала так: «Чувствую, что в иконе какой-то очень основной узел всех современных проблем духа и искусства ... От этих мыслей очень трепетно. Хочется, чтобы это проникло, хочется, чтобы и ... в современных галереях прозвучала бы эта проблема, эта нота, эта песня. Трепетно, трепетно».

В 1970-е—80-е гг. С. Иоанна написала большое количество икон, как правило, небольшого размера, из подручных материалов, которые были очень далеки от традиционных — досок, яичной темперы, олифы и т.п. Иконы эти разного качества, но они были результатами воплощения прежних духовных и художественных принципов с. Иоанны. «В молодости я делала иконы очень свободно ... потом более традиционно, сейчас хочется опять большей свободы, раз уж всё «впитано», — писала она в это время. В последние годы жизни она испытала большие страдания: к глухоте, которой она страдала с 30 лет, прибавилась частичная, а с 1982—83 гг. — полная слепота. Скончалась с. Иоанна в 1988 г.

Осмысляя итоги духовного пути с. Иоанны, можно повторить фразу, сказанную по ее поводу в самом начале ее иконописного творчества: «С ней можно не соглашаться, но нельзя не считать ее».

В 2000 г. первая выставка ее работ с большим успехом прошла в Москве, в Музее древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева.

В связи со 110-летием со дня рождения и 20-летием со дня кончины сестры Иоанны 16 мая с.г. в 17-00 в библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» состоится открытие выставки с. Иоанны (спасенные и вывезенные Н.А. Струве медонские росписи) и вечер ее памяти.

Александр КОПИРОВСКИЙ

ПРЕОБРАЖЕННОЕ СОДРУЖЕСТВО МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ, СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ»

проводят международную конференцию
ДУХОВНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПУСТОТЕ В ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВЕ
Москва 29 сентября — 1 октября 2008 г.

Наше время давно характеризуется как время пустоты. Академик Сергей Аверинцев в 1995 г. в своей статье «Моя Ностальгия» («Ностальгия по тому состоянию человека как типа, когда все в человеческом мире что-то значило или, в худшем случае, хотя бы хотело, пыталось, должно было значить; когда возможно было «значительное») для иллюстрации своих мыслей мог цитировать статью поэта Осипа Мандельштама 1922 (!) года «Пшеница человеческая», где под свидетельствовал, что разрозненные зерна человеческих индивидуальностей больше не выпекаются в хлеб, именуемый народом: «Бывают такие эпохи, когда хлеб не выпекается, когда амбары полны зерна человеческой пшеницы, но помола нет...». Чуть позже Мандельштама о. Сергей Булгаков, уже будучи в Париже, посреди, казалось бы, достаточно бурно и плодотворно кипевшей церковной жизни, написал слова, созвучные, но еще более страшные: «Тело Христово умерло...», словно обьявив сбывающимся пророчества Апокалипсиса: «Ты имеешь имя, будто ты жив, но ты мертв» (Аверинцев позже заметил, что все земь церкви Апокалипсиса прекратили свое существование именно в XX веке).

Но если в начале века, во времена модерна, подобные пророчества для кого-то звучали еще грозно, то теперь их вряд ли даже замечают. В те време-

на еще можно было ожидать, что после модерна будет что-то совершенно новое, новое и сверх-новое, которого ожидали со страхом и трепетом, но вместо этого сделала «постмодерн», т.е. после-новое: зацикленность, топтание в человеческой истории. Косность, аморфность, смешение до бескачественности. Некий апофеоз пустоты, когда не просто нет опоры, но когда эту безопорность и полный релятивизм начинают возводить в позитив, в положительный принцип.

Можем ли мы сегодня, не присваивая себе звания пророков, опереться на пророческий опыт церкви — как древней, так и новой, — обличающий эту мимикрирующую пустоту и призывающий к противостоянию ей? На что еще мы можем опереться в этом противостоянии — в Писании, в мистике, в богословии, в философии, в культуре, в науке? Можем ли мы предложить нечто большее, помимо наблюдений, анализа и констатаций?

Способна ли сегодня церковь противопоставить ничтожной и «ничтожащей» черной дыре пустоты мира сего, втягивающей в себя и ради себя всё и всех, — опыт «самопоустошения» Христа (и святых его), источника Себя ради других, ради Церкви, которая есть «Полнота, наполняющего всё во всем»?

Имеем ли мы основание говорить об особых дарах нашего времени? Сергей Аверинцев, остро чувствующий наступление этого новейшего времени, в котором почти всякое содержание является кажущимся, иллюзией, надеялся, что именно в этой ситуации появятся кристаллы реальности особой, небывалой твердости. Можем ли мы уже сегодня увидеть эти зерна? Поиском ответа на подобные вопросы посвящена наша конференция.

Заявку на участие в конференции, тему и тезисы выступления просим прислать в Оргкомитет конференции до 1 сентября 2008 г. В заявке необходимо указать фамилию, имя и отчество участника, место работы или служения и должность, а также электронный адрес и телефон.

Помимо подготовленных докладов конференция предполагает обсуждение всех заявленных вопросов в форме диалога и свободной дискуссии.

Председатель оргкомитета,
проректор СФИ Дмитрий Сергеевич Гаска
Оргкомитет:
Россия, Москва, 105062, ул. Покровка, 29—38
Тел/факс 624-92-50; 623-03-80;
e-mail: sretenye@sf.ru

Сложный случай

Псков

Новый настоятель храма свв. Жен Мироносиц отказал в поддержке организованного о. Павлом Аделеевым детского приюта. О. Павел просил его оплатить хотя бы коммунальные расходы: газ, вода, электричество. Но настоятель сказал, что не может давать деньги неизвестно куда, ему нужны правоустанавливающие документы и документы на дом. Однако формальной организации приют не имел. О. Павел взял ребят в опеку, построил для них дом. Теперь они взрослые, опека закончилась. Остается одна проблема — все они не могут жить самостоятельно: не умеют пользоваться деньгами и не могут себя защитить. Дом в Псковичах оформлен как приходской и не принадлежит о. Павлу.

За две недели многое переменялось в приходе. Ушел хор. Председатель Приходского совета в ближайшее время будет снят. Председателем архирей назначат настоятеля. Приходское собрание, вероятно, тоже распустят и соберут новое. Настоятель намекал на это. Тогда заменят всех остальных членов Приходского совета. Кассу настоятель уже взял, отстранив кассира силой личного напора.

Правда, он обещал родителям и учителям поддерживать приходскую школу. Он считает, что она станет епархиальной, потому что Патриархия требует создания школ в каждой епархии. До сих пор в Псковской епархии такой школы не было, а теперь будет. Епархия потребует со всех приходов средств на содержание школы, отремонтирует здание, построит новое, и школа расширится.

Но дело не только в существовании школы, а в её духе и атмосфере. Директора и бухгалтера новый настоятель обещает уволить. Это означает, что подколлектив уйдет. Другим станет и приход.

Новый настоятель сказал прихожанам, что уберёт библиотеку из храма, так как ему нужен магазин для продажи церковной утвари. «А куда же денем книги?» «Переносите в подвал». Он также сообщил, что владыка велел ему «навести порядок» в храме свв. Жен Мироносиц: «Смешай сделать как надо, награду высокой наградой, а не сумеешь, сниму с тебя крест».

Тверь

5 марта в зале заседаний Тверского епархиального управления под председательством архиепископа Тверского и Кашинского Виктора состоялась очередное заседание епархиального совета. На совете был рассмотрен в том числе и вопрос о назначении священнослужителей.

Выписка из протокола собрания:
СЛУШАЛИ: Прощение главы администрации Степуринского сельского поселения о направлении в местную церковь священника.

РЕШИЛИ: Поручить благочинному протоиерею Олегу Чайкину разъяснить главе администрации, что, во-первых, все вопросы богослужебного характера должны разрешаться через благочинного и, во-вторых, кадров священнослужителей в епархии не хватает и искать священников надо не среди действующего духовенства, а подбирать кандидатов для рукоположения и обучения среди мирян, готовых служить тем, кто их рекомендовал.

Информация с сайта Тверской епархии

ОН ВСЮ ЖИЗНЬ ЛЕЧИЛ ЛЮДЕЙ

Памяти Александра Александровича Креля (18.10.1938 — 13.03.2008)

В четвертый день поста во время покаянного канона, перед пением «С нами Бог!» пришло известие о смерти Александра Александровича Креля.

Александр Александрович — известный врач, академик, основатель антиврежматической ассоциации в Петербурге, которая помогает больным, считающимся безнадежными. Когда-то он был главным ревматологом Петербурга, но потом разочаровался в официальной медицине и стал искать духовные основания для целостного лечения человека. Он всю жизнь искал общности и нашел ее в церкви, став членом Свято-Петровского православного братства. Впоследствии он подвигал к воцерковлению и своих больных, т.к. считал, что без исцеления духа исцеление плоти невозможно.

В октябре ему исполнилось бы 70 лет. Большой, крепкий, седой человек, удививший когда-то братьев и сестер в паломничестве, когда стал выдвигать им один и те же таблетки от разных болезней. Они смеялись, пили таблетки и вызлечивались, а он смотрел на них и улыбался. А в другом паломничестве он взялся отвечать за костер и воду для кухни. Воду нужно было возить на тележке в большом баке. Он

был очень ответственным костровым — вовремя кипятил воду в большом котле и успевал много еще чего. «Вот такие у нас академики», — говорили мы друг другу и улыбались. В его присутствии было очень легко радоваться. Сейчас таким его и вспоминаю — молчаливым и улыбающимся в борю. Большой ребенок, сочетающий в себе старопетербургскую интеллигентность, московскую широту души, а еще — прекрасное чувство юмора.

Казалось, сто лет проживет. Но... шел в Москве вечером по улице, удар по голове. Украл бумажник и часы. Александр Александрович неизвестно сколько времени пролежал на снегу, без помощи. Под утро попал в реанимацию в коме. Это было около двух недель назад. Вчера его соборовали. В реанимацию пустили только священника, но несколько человек, в т.ч. и жена, были где-то неподалеку. Говорят, было очень хорошо молиться, легко.

Вот так всю жизнь он лечил людей и никому не отказывал в помощи, а самому медицинской помощи вовремя не достался. Может быть, если бы сразу, то... Вспомнился Вавилон, который выращи-

вал новые сорта картошки, хотел накормить всю страну и умер в тюрьме от голода. Почему так?

Вечная память Александру Александровичу, мир и радость во Святом Духе!
Анастасия НАКОНЕЧНАЯ
13 марта 2008 г.

ПОБЕДИТЬ ХРОНИЧЕСКУЮ БОЛЕЗНЬ

Из интервью А.А. Креля газете «Лечебные письма»

— Александр Александрович, почему такой арсенал сегодняшней медицины не в силах реально помочь людям, страдающим хроническими заболеваниями?

— С течением времени я прихожу к печальному убеждению, что тот путь, который избрала сегодня медицина, то есть развитие в рамках научно-биологической парадигмы, или биоцентризм, заводит в тупик. Это сказывается на возможностях лечебного дела, особенно при хронических заболеваниях. Да, медицина пользуется достижениями и успехами различных наук, особенно биологии, но самостоятельной системы научных представлений не имеет. Она развивается на основе учения об общей патологии человека — учения, по сути, чисто биологического. В нем человек сводится к механизму, в лучшем случае — к организму, но никак не к «гомо сапиенс», человеку разумному. Наверное, поэтому небольшие успехи мы видим в тех областях медицины, которые завязаны от технологических возможностей — операции, трансплантации и т.п. Хронические заболевания к этой категории не относятся.

— Но, может быть, это просто дело будущего, научилась же медицина справляться со многими инфекционными болезнями?

— Когда я учился, то твердо знал, что советской медициной полностью побеждены такая социальная болезнь, как туберкулез, и злостный пережиток буржуазного общества — сифилис. Каково положение дел сегодня, все хорошо знают.

Конечно, некоторые инфекции побеждены, но на смену им идет сонм новейших инфекций — не только хорошо известных, но и таких, о которых мы еще не имеем представления. Как можно с ними справиться, если считать, что инфекционное заболевание — это процесс

взаимодействия двух биологических видов: бактерии (вируса) и человека? Ведь при этом совершенно не учитываются представления о сущности человека, о его исключительности, о сущности жизни!

— Как же тогда лечиться?

— Вот самая первая практическая рекомендация: не используйте без достаточных оснований или без должного профессионального врачебного контроля современные активные, агрессивные методы лечения. Обойдитесь по возможности простыми средствами.

И второе: человек — это не биоробот. Нельзя говорить о физическом здоровье в отрыве от здоровья душевного и духовного, особенно в тех случаях, когда физическое здоровье в силу тех или иных причин пошатнулось.

— Но ведь есть такой метод коррекции душевного здоровья, как психотерапия. Не может ли она помочь при хронических заболеваниях?

— Сегодня у нас в практике нет своих традиций научной, концептуально обоснованной психотерапии. А поверхностное использование зарубежных методов, разработанных в странах с иным образом жизни, традициями, культурой, может вместо желаемого результата приводить подчас к совершенно неожиданным последствиям. Да, в настоящее время в педагогике, психиатрии, в техниках достижения успеха, в решении семейных проблем, в бизнесе и т.п. эффективно применяется психотерапия. Но в сфере заботы о здоровье, особенно если речь идет о хронических заболеваниях, она практически отсутствует. А нам нужна психотерапия, которая бы «наводила мосты» между уровнями тела, души и духа ради достижения здоровья. Сегодня эту роль пытаются играть различные псевдодухов-

ные практики. Однако реально помочь человеку может только настоящая духовность. Так, в традициях православной христианской культуры есть представление о православной психологии и о православной психотерапии.

— Значит, надо пропагандировать духовность?

— Духовность невозможно навязать, ее нельзя рекламировать, она требует очень деликатного и заботливого попечения, но только так можно сохранить и восстановить целостное здоровье человека. И здесь мы больше всего уповаем на два духовных элемента: творчество и молитву. Именно они способны помочь больному человеку справиться с его главной психологической проблемой: ощущением невозможности исцеления, так как традиционная терапия оказывается явно недостаточной, а сами хронические болезни в большинстве своем считаются неизлечимыми. Творчество и молитва позволяют преодолеть душевные проблемы, которые чаще всего и являются основой для развития тех или иных хронических заболеваний.

— Вы хотите сказать, что творчество и молитва могут сделать неизлечимые болезни излечимыми?

— Наши клинические наблюдения за несколько десятилетий и мировой опыт свидетельствуют, что практически все считающиеся неизлечимыми болезни потенциально излечимы. Даже рак. Перечитайте «Раковый корпус» А.И. Солженицына, и вы увидите там свидетельство излечимости. Имеются достоверные свидетельства того, что Александр Исаевич действительно страдал раком на поздней стадии, и, слава Богу, с тех пор он прожил более полувьеса.

Материал с сайта sfi.ru

НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU ВЫ МОЖЕТЕ НАЙТИ ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ НОМЕРОВ И АРХИВ ГАЗЕТЫ ЗА 5 ЛЕТ

Учредитель: Региональная общественная организация «Культурно-просветительский центр «Преображение»

Адрес редакции и издателя: 105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29, стр.1

Тел./факс: (495) 624-92-50

© ООО «Преображение». Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор: А.В. Колмагина
Зам. гл. редактора: А.А. Буров

Электронный адрес редакции: kifa@list.ru

Электронная версия газеты: http://gazetakiifa.ru

© ООО «Преображение». Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Елена Шевелова, Дмитрий Матвеев, Владимир Лисский

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эльф», г. Москва, ул. Ткацкая, д. 5
Тираж 1500. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 19 марта 2008 г.
Время подписания в печать: по графику — 9,00, фактическое — 9,00
Дата выхода в свет 22 марта 2008 г.

Нашу газету можно приобрести в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФП — ул. Покровка, д.29, оф.38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Телефоны распространителей
Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова);
Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная);
Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров);

Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов);
Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Горхова);
Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев);
Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская)
Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)